

ПОРТРЕТ УЧЕНОГО

© ЭО, 2004 г., № 3

Б. А. К а л о е в

Е.Г. ПЧЕЛИНА – УЧЕНЫЙ-КАВКАЗОВЕД

Рис. 1. Евгения Георгиевна Пчелина

К числу выдающихся русских советских ученых первого поколения, заложивших своими оригинальными исследованиями основу советского кавказоведения, несомненно относится Евгения Георгиевна Пчелина. К сожалению, уход из жизни этого талантливого ученого в 1972 г. остался малозаметным в печати, в том числе в “Советской этнографии”, где нередко публиковались ее работы. Задача данной статьи – хотя бы частично восполнить этот пробел, осветив, по возможности, творчество Е.Г. Пчелиной в области кавказоведения¹.

Евгения Георгиевна была одной из немногих, успешно сочетавших этнографические исследования с многолетними археологическими раскопками. Трудно сказать, какой из двух наук она отдавала предпочтение. Одно ясно, что с 1920-х годов – начала научной деятельности Е.Г. Пчелиной – и до последних дней жизни, центральным объектом ее исследований была Осетия – Южная и Северная. Из

77 прожитых ею лет, 53 года – отданы изучению Кавказа, главным образом – Осетии.

Е.Г. Пчелина родилась в 1895 г. в г. Кутаиси (Западная Грузия) в семье служащего. После окончания в 1914 г. Тифлисской женской гимназии она поступила в Московский Археологический институт, который окончила в 1916 г. с золотой медалью. Тема ее дипломной работы – “Влияние армяно-грузинского архитектурного стиля на домонгольское зодчество Руси”. В 1917 г. Е.Г. Пчелина поступила на Юридический факультет Московского университета и окончила его в 1921 г. С 1921 по 1924 г. она училась на экономическом факультете Тифлисского политехнического института. Для дипломной работы ею была выполнена тема: “Армянский Нахичеванский судебник XVIII в.” О Е.Г. Пчелиной, как об ученом с разносторонними научными интересами, свидетельствует и тема ее кандидатской диссертации – “Находка древне-буддийского монастыря в холмах Кара-Тепе, Термез”, – защищенной в 1944 г. на Историческом факультете МГУ. Е.Г. Пчелина знала несколько иностранных языков: грузинский был для нее вторым родным языком. Она преподавала его в нескольких московских вузах.

Много сил и времени Е.Г. Пчелина отдала музейной работе. С 1915 по 1920 г. она работала в Музее и архиве Московского Археологического института; с 1919 по

1920 г. была хранителем отделов археологии и нумизматики Ярославского исторического музея. С 1920 по 1932 г. Е.Г. Пчелина – сотрудник Московского государственного исторического музея (ГИМ). Работая здесь, она оказывала большую помощь музеям республик и областей Кавказа, проводила археологические и этнографические экспедиции в различных районах этого края. Так, например, в 1932 г. ГИМ направил ее в Азербайджанский комитет по охране памятников старины, где она возглавила археологические работы при раскопках ханского дворца в Баку перед его последующей реставрацией и переделкой под музей истории культуры Азербайджана. Евгения Георгиевна участвовала также в археологической экспедиции, обследовавшей городище Уран-Кала в Мильской степи Азербайджана². Одновременно она работала (по совместительству) директором Азербайджанского антирелигиозного музея в Баку.

Через год Е.Г. Пчелина вернулась в Москву и была назначена ученым секретарем и заместителем директора Загорского антирелигиозного музея, помещавшегося в одном из зданий Троице-Сергиевой Лавры. По архивным данным известно, что в 1928 г. она числилась в списке штатных научных сотрудников Ин-та этнических и национальных культур народов Востока, в котором работали такие выдающиеся кавказоведы, как Н.Я. Марр, Н.Ф. Яковлев, А.А. Миллер, Б.В. Миллер, Б.А. Куфтин, А.Н. Генко, Е.М. Шиллинг, К.Д. Дондуа³.

В 1930-х годах Е.Г. Пчелина совмещала научную работу с преподавательской: с 1924 по 1925 гг. она преподавала грузинский язык в Московском институте востоковедения; с 1930 по 1932 г. состояла доцентом кафедры музееведения Московского исторического института (1 МГУ), по совместительству – доцентом кафедры музееведения Московского института повышения квалификации музейных работников.

Музейно-преподавательскую работу Е.Г. Пчелина сочетала с научно-организационной. В 1933–1939 годах по командировкам Института этнографии АН СССР и Отдела народного образования Северной Осетии она руководила археологическими раскопками на Кавказе, а также участвовала в раскопках в Средней Азии. В 1939–1948 годах Е.Г. Пчелина работала старшим научным сотрудником отдела Востока Государственного Эрмитажа. В период Великой Отечественной войны (с июля 1941 г. по март 1944 г.) она была командирована в Свердловск для вызова и охраны музейных коллекций. В 1948 г. Е.Г. Пчелина переведена в Юго-Осетинский научно-исследовательский институт для завершения докторской диссертации на местном материале. В 1952 г. она вышла на пенсию. В конце 1972 г. Е.Г. Пчелина в возрасте 77 лет скончалась в Ленинграде.

Талантливый исследователь в области этнографии и археологии, Е.Г. Пчелина на протяжении многих лет вела полевые исследования в различных районах Кавказа и особенно в Северной и Южной Осетии. Еще в 1921–1923 годах по заданию ГИМ и Наркомпроса Грузии она произвела ряд археологических раскопок и разведок в районе Триалетского хребта в Грузии⁴. Через год тем же музеем и Закавказской ассоциацией востоковедения Е.Г. Пчелина была командирована для участия в работе комплексной экспедиции по обследованию Осетии, Нахичеванской автономной области, Курдистанского р-на Азербайджана и Зангезурского р-на Армении. Тогда же она проводила раскопки Сагурамского могильника в Грузии⁵. С 1926 по 1931 г. Е.Г. Пчелина по заданию НИИ краеведения Осетии составляла археологическую карту Южной и Северной Осетии, а также производила раскопки в различных пунктах Осетии. В 1932 г. она провела упомянутые выше раскопки в Азербайджане, а с 1933 г. и до конца жизни ее внимание почти целиком было направлено на изучение осетин.

Вот некоторые данные: в течение 1933–1935 годов Евгения Георгиевна вела археологические раскопки в Северной и Южной Осетии, собирала этнографический и фольклорный материал по осетинам, составляла карту распространения древних святилищ Осетии⁶. Тогда же особое внимание она уделила изучению святилища Реком в Цейском ущелье Северной Осетии. Наряду с ведением раскопок Е.Г. Пчелина собирала у жителей окрестных сел этнографические и фольклорные данные. В 1936 г. она, являясь

начальником реставрационных работ в святилище Реком, произвела новые раскопки на его территории; в 1937 г. вела камеральную обработку предметов, найденных там в предыдущие годы. Кроме того, она состояла членом Термезской Археологической экспедиции, обнаружившей на холме Кара-Тепе остатки буддийского монастыря XVI в.⁷ В 1938–1940 годах Е.Г. Пчелина вела археологические работы в Урсдонском ущелье (Северная Осетия), а также в районах сел. Нули, Рустави и Ортеви (предгорная полоса Южной Осетии), собирала этнографический и фольклорный материал⁸.

После окончания Великой Отечественной войны Е.Г. Пчелина вновь с большим энтузиазмом приступила к археологическому и этнографическому изучению Осетии. В 1946 г. она произвела раскопки известного средневекового памятника – Нузальской церкви (сел. Нузал Алагирского ущелья Северной Осетии)⁹. В ходе археологической разведки в верховьях р. Кубани, на ее левом притоке Большом Зеленчуке в местности Архыз (“Старое жилище”) были обнаружены две ранее неизвестные каменные плиты с надписями на греческой графике¹⁰.

В 1949–1951 гг. Е.Г. Пчелина вела археологические раскопки в Южной Осетии: в Джавской котловине, в районе сел. Урсдзуар, Дзомагъ, Рук, Цоиси, на горе Кидзилфат. Она также обследовала археологические памятники в селах Гуфта и Дзарцеми¹¹. Тогда же ею была составлена археологическая карта Юго-Осетинской области. Особое внимание исследовательница обращала на изучение памятников аланской эпохи: в течение многих лет производила раскопки аланских катакомбных могильников в Северной Осетии в районе сел. Архон, Лац, Садон и др.¹² Наряду с археологическими исследованиями Е.Г. Пчелина вела сбор этнографического и фольклорного материала, легшего в основу ее интереснейших этнографических публикаций по осетинам¹³.

Обидно, что Евгения Георгиевна не успела завершить свой многолетний труд по осетинам, видимо, слишком ее отвлекали научно-организационные обязанности. Здесь уместно отметить, что Е.Г. Пчелина, кроме незаконченной монографии по осетинам, оставила много рукописей и богатый архив. Все это аккуратно сложено в картонных коробках и по ее завещанию сдано в архив АН СССР (в Санкт-Петербурге). В 1975 г. автор этих строк, работая там, видел материалы Е.Г. Пчелиной, занимавшие довольно большое помещение. В тот период архив, не имевший описи, по существу был открыт для разворовывания любителями чужого труда. Спасли архив исследовательницы может только научная общественность Осетии, прежде всего недавно созданный научный центр РАН в Северной Осетии-Алании, призванный оберегать все культурные ценности народа. По нашему мнению, архив Е.Г. Пчелиной, как и ее многочисленные научно-экспедиционные отчеты, хранящиеся в архивах музеев и научно-исследовательских институтов Северной и Южной Осетии, имеющие также большую научную ценность, должны быть опубликованы. Это послужило бы лучшим памятником ученому, посвятившему себя изучению осетинского народа. К сожалению, мне не пришлось работать с Евгенией Георгиевной на поприще осетинской этнографии, но ее труды в те дни для меня, как и для многих других начинающих молодых ученых, являлись настольной книгой. В целом все то, что она успела сделать, несомненно составляет золотой фонд осетиноведения.

Я познакомился с Евгенией Георгиевной в далеком 1940 г. в Орджоникидзе (ныне Владикавказ) в музее краеведения, по приглашению которого она в очередной раз приехала из Москвы проводить экспедицию. Тогда, в довоенные годы, музей, продолжая прежние традиции, вел большую научную краеведческую работу с участием видных ученых-кавказоведов, в числе которых почти постоянно была и Е.Г. Пчелина. Размещенный в красивом трехэтажном каменном особняке, один из старейших музеев юга России был основан во второй половине XIX в. Обществом любителей старины Терского казачьего войска. Кроме казачьего населения, в нем активно изучались и горские народы региона. После Октябрьской революции на основе его богатейших фондов были созданы Чечено-Ингушский и Кабардино-Балкарский музеи краеведения.

После получения дипломов об окончании истфака Северо-Осетинского госпединститута и назначения на работу в села, мы, будущие учителя, решили еще раз посетить любимый нами музей. Войдя туда, мы увидели окруженную людьми незнакомую женщину, лет сорока пяти, среднего роста, стройную и красивую. Эта и была Е.Г. Пчелина, о которой мы знали только понаслышке: о ней шла молва как о легендарной личности, исходившей горные ущелья Осетии в поисках памятников старины. Нас представил ей сотрудник музея. В ходе беседы Евгения Георгиевна спросила: “Почему бы вам не пойти в аспирантуру. У осетин до сих пор нет своих специалистов по этнографии и археологии. Кому же решать многие проблемы по этим наукам, касающиеся осетин, если не вам?” Мы промолчали. Тогда время было тревожное, все помыслы были о войне, которая бушевала в Европе и подходила к нашим границам.

После Великой Отечественной войны у меня были еще две встречи с Е.Г. Пчелиной. В 1956 г., когда я уже был этнографом с пятилетним стажем, во время экспедиционной работы в Алагирском ущелье я встретил Е.Г. Пчелину, занятую раскопками аланских памятников. Меня она приняла радушно, пожелала успехов на поприще осетинской этнографии. Так же случайно мы повстречались в 1965 г., в Орджоникидзе, в период очередного пребывания ее в Северной Осетии по завершению экспедиционных работ. Е.Г. Пчелина предложила мне поехать с ней в святилище сел. Дзвгис Куртатинского ущелья за колоколами XVI в., на которых были грузинские надписи. “Многие пишут о них, – заметила Евгения Георгиевна, – не увидев собственными глазами. Нужно разыскать их и передать в музей. Машину для этой поездки выделил министр культуры”.

Мы выехали почти вечером и когда доехали до сел. Дзуарикау, стало совсем темно. Здесь, переехав речку, шофер остановил машину, заявив, что дальше не поедет, так как испортилась машина (видимо, ему не хотелось ехать в темноте по опасной горной дороге). Отсюда до места назначения осталось еще более 15 километров. Я решил идти в Дзвгис пешком. В 12 часов ночи прибыл на место, нашел дом *дзуарылаега* (жреца). (Дзуарылаег в осетинском обществе – почетная выборная должность. Лица, занимающие ее, пользуются особым уважением. Некоторые из них находятся на этой должности десятки лет, как мой новый знакомый.) Это был высокий худощавый старик, лет 75–80. Видимо, недовольный тем, что я разбудил его, он сердито спросил: кто я и что от него хочу? Я объяснил ему причину своего визита, на что он так же сердито сказал, что на слово никому не верит. Однако старик все же поверил моему вранью о том, что я прислан обкомом и после просмотра паспорта и партбилета повел к часовне, открыл дверь и сказал: “Входите и ищите, но таких колоколов там нет”. И, действительно, время похоронило грузинские колокола под земляным полом часовни. Я с трудом разыскал их. Колокола оказались разными по размеру, но сравнительно большими. Оба они были покрыты грузинскими надписями. Я радостно сунул свою находку в мешок, перекинул его через плечо и тронулся в обратный путь.

Уже было начало второго ночи, густой туман покрыл небо, узкая дорога, проходившая по горным лесистым местам, была плохо видна. Я шел торопясь и вдруг увидел впереди себя, как мне показалось, двух шагающих великанов в кавказских бурках. В осетинской мифологии такое существо именуется *уайыг*, рассказы о нем были хорошо знакомы мне с детства. По воззрениям горцев, *уайыг* обитают вдали от людей, в нежилых помещениях (в башне, крепости и т.д.) и открыто появляются на людях лишь с наступлением темноты. Но видение это меня не напугало: больше всего я боялся волков, которых немало в этих лесах. Я закрыл глаза, а когда открыл – великанов не стало. Спустя некоторое время, они снова появились перед моими глазами. Так “с ними” я добрался до нашей машины, где мои спутники спокойно спали. Е.Г. Пчелина встретила меня радостно, поздравила с находкой, заметив, что видит во мне настоящего этнографа. Дзвгисские колокола мы сдали в музей. К великому сожалению, это была моя последняя встреча с этой выдающейся женщиной.

Е.Г. Пчелина изучала горную Осетию в тот период, когда в большинстве ее районов единственным видом транспорта была лошадь – верховая и вьючная. Сообщение осуществлялось по вьючной тропе, нередко шедшей на головокружительной высоте рядом с пропастью. Надо было обладать большим мужеством, чтобы пуститься в путь по такой тропе. Е.Г. Пчелина неоднократно совершала его, ведя лошадь под уздцы. В этом отношении интересна сохранившаяся в архиве смета на ее экспедиционную работу в Северной Осетии летом 1930 г.¹⁴

Изучение Осетии Е.Г. Пчелина начала в 1924 г. с южных осетин, которые, в отличие от северных, выпали из поля зрения многих дореволюционных ученых. Например, М.М. Ковалевский, посвятивший осетинам двухтомную монографию, не бывал у южных осетин. Сравнительно мало внимания уделил им и В.Ф. Миллер, автор знаменитых “Осетинских этюдов” и многих других работ по осетинам.

В 1924 г. Закавказская научная ассоциация отправила бригаду ученых разных профессий для изучения Южной Осетии. В состав ее входил Г.Ф. Чурсин – этнограф-кавказовед, автор замечательного труда, посвященного южным осетинам¹⁵.

Е.Г. Пчелина принимала участие в работе этой бригады в качестве археолога-кавказоведа. Объектом своего исследования она выбрала район Урстуалта (от груз. Маграл Двалети), лежащий в верхнем течении бассейна Большой Лиахви и охватывающий несколько ущелий Южной Осетии (Галуато-Эдисское, Челиатское и Бритатское). На этой обширной территории Е.Г. Пчелина провела разведывательную работу, а затем, основываясь на своих находках и сведениях местного населения, составила краткую археологическую карту Южной Осетии. Здесь же она провела археологические раскопки в селах Хвце, Тли, Челиат, Эдиси и опубликовала добытый материал в статье, вышедшей в весьма содержательном итоговом сборнике участников упомянутой экспедиции, целиком посвященном Южной Осетии.

Работы, начатые Е.Г. Пчелиной, были продолжены осетинскими археологами: например, раскопки Б. Теховым так называемого Тлиского могильника позднекобанской культуры бронзового века в районе сел. Тли выявили много замечательных памятников мирового значения.

Заслуживает внимания труд Е.Г. Пчелиной “Дом и усадьба нагорной полосы Юго-Осетии”, основанный на многолетнем полевом материале автора¹⁶. Эта работа в то время не знала себе равных в советском кавказоведении по широте тематики и охвату изучаемых проблем, и с небольшим расширением могла бы стать отдельным монографическим исследованием. Каждый ее раздел посвящен определенной теме – естественно-географическим условиям, быту, пережиткам родового общества, заселению и т.д. Прослежен многовековой процесс заселения Южной Осетии, начиная с аланской эпохи, нашествий татаро-монголов (оттеснивших алан-осетин с равнины в горы Центрального Кавказа) и до второй половины XVIII в. – времени присоединения Северной Осетии к России. Войдя в состав России, осетины получили возможность избавиться от безземелья, испытываемого в горных условиях, и переселиться на равнины Северного Кавказа, обосновываясь на землях своих предков-алан (до этого миграции были направлены преимущественно на южный склон Главного Кавказского хребта, в нынешнюю Южную Осетию, а с возникновением и там земельной тесноты направлялись еще ниже – в другие грузинские районы).

Е.Г. Пчелина указывает, что из трех зон территории Южной Осетии, верхняя отличалась развитым скотоводческим хозяйством: “Скот является главной осью, вокруг которой вращается вся экономика, быт и духовная культура”¹⁷. Основным источником существования горцев было отгонное овцеводство, разводили овец осетинской породы, дававших длинную мягкую шерсть и молоко. Из шерсти женщины изготавливали превосходные сукна как для домашнего употребления, так и на продажу, а из молока – осетинский сыр, славившийся высокими вкусовыми качествами и пользовавшийся широким спросом на рынках Кавказа. Традиции этих домашних промыслов восходят к предкам осетин – скифо-сарматам и аланам¹⁸, а также к древним кобанцам. Отары овец отгоняли на зиму в степные районы Северного Кавказа,

крупный рогатый скот и лошади находились на стойловом содержании в течение восьми холодных зимних месяцев, для них требовалось большое количество кормов, в частности сена.

Е.Г. Пчелина отметила важное значение заготовки сена и всего сенокосного сезона, начинавшегося в начале июля по всей горной Осетии. Сенокосение происходило с соблюдением традиционной обрядности, занесенной из Северной Осетии. Накануне сенокоса отмечали праздник местного божества *Атынаг* и лишь на второй день всем селом (нередко и всем ущельем) выходили косить сено. До этого дня никто не смел появляться в поле с косой, чтобы не навлечь на себя гнев Атынага. Косьба сена у осетин, как и у других горцев, считалась исключительно мужским занятием, ей придавалось важное значение в трудовом воспитании молодежи. Когда 14-летний подросток, снабженный новой косой соответствующего размера, впервые в жизни выходил на косовицу, его торжественно провожали с молитвой и добрыми пожеланиями, а в обед ему приносили на луг особый пирог с начинкой из сыра. С этого дня юноша мог носить кинжал, ходить на танцы, участвовать со взрослыми мужчинами на *нихасе* и принимать участие в общественных делах. Е.Г. Пчелина сообщает: “Сенокос *хосгардан* считается настолько важным делом в Юго-Осетии, что юноша, начавший косить наравне с взрослыми, считается совершеннолетним”¹⁹. К сожалению, никем не зафиксированы другие скотоводческие и земледельческие обычаи, бытовавшие у южных осетин.

В поле зрения Е.Г. Пчелиной находились вопросы родовых отношений и связанные с ними способы расселения. Поселения в Южной Осетии складывались в течение нескольких веков, после присоединения Северной Осетии к России. Е.Г. Пчелину поражало наличие там больших родовых (фамильных) поселений; некоторые из них занимали до пяти–семи населенных пунктов. Таковыми, например, были поселения Джиевых, Гаглоевых, Цховребовых и др. Каждое из них вело свое происхождение от одного предка. По преданиям, многие фамилии сложились на местной почве, некоторые помнят, из каких мест Северной Осетии вышли их предки.

В Южной Осетии Е.Г. Пчелина застала еще немало пережитков родового быта, в частности, в прошлом распространенной среди всех горцев-осетин кровной мести, чаще всего возникшей на почве земельных споров. По словам автора, “внутри рода нет и не может быть кровной мести”: она могла возникнуть только между родами и нередко тянулась годами, приводя к истреблению с обеих сторон многих людей. Причиной строительства боевых башен и других оборонительных сооружений послужила межродовая и межплеменная вражда, вызванная тяжелыми условиями жизни, продолжавшаяся в некоторых местах до начала XIX в. (в нижней зоне Южной Осетии в это время еще сооружались боевые башни для укрытия от постоянных набегов дагестанских феодалов на Восточную Грузию.

В горах Южной Осетии, по данным Е.Г. Пчелиной, каждое родовое поселение имело боевую башню, в которой, в случае опасности, укрывалось население со всем имуществом: “Две-три боевых башни – указывает она – бывает только у сильной разросшейся фамилии, так как одна башня не может вместить в себя всех ее членов”²⁰. Добавим, что искусство построения башен было занесено в южные пределы переселенцами из Северной Осетии (это доказывается близким сходством башен северных и южных осетин). В целом же осетинские башни отличаются по своему внешнему архитектурному облику от башен других народов Кавказа, ибо традиция строительства башен и других оборонительных сооружений у осетин уходит в аланскую эпоху, что доказывается сохранением таких же сооружений до наших дней в горах центрального и западного Кавказа: аланские боевые башни в Балкарии, по определению исследователей, совершенно сходны с осетинскими²¹.

По наблюдениям Е.Г. Пчелиной юго-осетинское высокогорье отличалось вертикальной застройкой жилища и большой скученностью поселений, с тем, чтобы сохранить удобные для обработки земли. Село располагалось по возможности близко к водному источнику, а также к посевным и сенокосным участкам. При выборе мес-

та для поселения учитывалась их защищенность от снежных обвалов, нередко погребавших целые селения с их обитателями. В памяти жителей сохранилось воспоминание о снежном обвале в сел. Джусоевых в Кударском ущелье, унесшем жизни нескольких десятков человек. Селение исчезло бесследно.

Немало было местных талантливых мастеров-домостроителей, славившихся по всей Осетии. Даже в далеких селах равнинной Северной Осетии они возводили крыши домов, настилали полы и потолки, изготовляли рамы, двери и т.д. Е.Г. Пчелина скрупулезно описывает весь процесс строительства жилья – от выбора места для дома и связанных с этим магических приемов до возведения одно и двухэтажных построек, а также бытовое назначение жилых помещений, внутреннее убранство, отопительную систему и т.д. Этой теме посвящен блестящий очерк истории жилища высокогорной зоны Южной Осетии.

В 1932 г. опубликована работа Е.Г. Пчелиной – “Обряд гостеприимства в Осетии”, основанная на полевом материале автора, собранном в высокогорной зоне Южной Осетии – в Кударском, Кемульском, Рокском, Бехотском и Джавском ущельях в 1924 – 1932 г.²² Автор предупреждает: “Печатаемые заметки являются материалом к недописанной главе неоконченной книги и касаются только одного вида гостеприимства”²³. К сожалению, планировавшаяся книга, по неизвестным для нас причинам, так и не появилась на свет.

Что касается названной статьи Е.Г. Пчелиной, то она посвящена приему почетного гостя, причем описывается он на материалах, собранных автором в “глухих” горных ущельях Южной Осетии, куда не часто попадали посторонние люди и где почти полностью сохранилось традиционное осетинское гостеприимство. В других местах горной Осетии, примыкавших к большим проезжим дорогам, оно к тому времени уже утратило многие свои традиционные черты.

По многолетним наблюдениям Е.Г. Пчелиной, в труднодоступных ущельях Южной Осетии гость всегда был желанным, встречали его старым осетинским приветствием “гость – божий гость”, и любой из них становился гостем всего села. Его тут же окружали мужчины, старые и молодые, отдавая дань уважения. Не менее важным было желание послушать новости, принесенные гостем, узнать все то, что происходило в окружающем их мире. Старики усаживались рядом с гостем, молодые стояли в стороне и только отвечали на вопросы. По обычаю, спрашивать гостя – кто он и откуда?, не полагалось – пока не садились за накрытый стол. Ради почетного гостя непременно закалывали барана, даже если в доме имелось свежее мясо. Большой интерес представляет описание ритуала заклания барана, разделки туши и застолья.

Наряду с обширным полевым материалом (чувствуется, что исследовательница неоднократно наблюдала прием гостя), автором привлечены тексты осетинского фольклора и Нартского эпоса на осетинском языке.æ

Тема гостеприимства не освещалась или почти не освещалась в осетинской этнографической литературе. Осетинское застолье отличается от грузинского и застолья многих других кавказских народов тем, что здесь мужчины и женщины садятся отдельно и строго по старшинству, причем тамадой является самый старший по возрасту (*хистар*). На стол перед стариками подавали голову (*сæр*) жертвенного животного, шею (*бæрзæй*), плечевую кость (*базыг*) и курдюк (*фæхсын*) – обычай, не принятый у других кавказских народов. Е.Г. Пчелина, в частности, отмечала: “Сиденье за фынгом (столом) считается делом священным, почему и имеется целый неписанный статут поведения за столом – ирон фынджы æгъдау (осетинский обычай застолья), незнание которого для осетина считается постыдным и недостойным мужчины”²⁴. Сводился этот обычай к следующему: “Сев за фынг, надо сидеть за ним до конца трапезы. Выйти из-за фынга в крайнем случае можно, но вернуться обратно к фынгу нельзя, ни в коем случае. Сидя за фынгом, нельзя ссориться, говорить о неприличных вещах с точки зрения осетина”²⁵. Застолье сопровождалось неограниченным количеством тостов, в том числе и таким “*фынджы уастырджийæн*” (“за

честь св. Георгия”), при этом существовала целая система подачи *нуазан* (почетных бокалов) – обычай, известный на Кавказе только осетинам. Он уходит корнями в скифскую эпоху, что подтверждается отражением его в археологических памятниках и в осетинском Нартском эпосе²⁶. Пчелина сообщает: “Нуазан посылается тому или иному лицу, группе уважаемых людей... про нуазан существует пословица: *Нуазан дугъонбахъй уалдай нæуы* (“почетный бокал подобен скаковой лошади”), он может скакать во все стороны ... от *хистаров* (старших) к *кастæрам* (младшим) в виде благодарности, например, за хорошо исполненную за столом песню, прислуживание и т.д.” (курсив ред.)²⁷. После приема и угощения гостя вели в *уат* (гостевую), где ему была приготовлена чистая постель для отдыха.

С большой наблюдательностью описывается еще одна архаическая черта осетинского гостеприимства, не встретившаяся нам у других кавказских народов. Заключалась она в следующем. Перед укладыванием гостя в постель, подросток снимал с него обувь и мыл ему теплой водой ноги, а, уходя от уснувшего, забирал с собой его одежду и обувь, которые отдавал женщинам дома, осматривавшим их. Если одежда была грязной и рваной, ее стирали и латали, а обувь чинили. К утру у изголовья гостя в полной исправности и чистоте лежали его одежда и обувь²⁸. Если в доме не хватало рук, чтобы выполнить эту работу, то на помощь приходили родственницы или соседки, преимущественно девушки и молодые невестки.

По обычаю южных осетин гость должен был уехать на другое утро (у северных же осетин – на третий день), причем отъезд его сопровождался определенным ритуалом, блестяще описанным автором работы. Выходя из дома, гость шел впереди своего хозяина. Если он был в чем-то недоволен оказанным ему приемом, то ударял своего коня плетью по хребту у крупа, хозяева же делали вид, будто не заметили этого, но принимали вызов к сведению. Если же гость был доволен приемом, он, пожав руки всем стоящим во дворе, вскакивал на коня и уздой поворачивал его голову к двери гостеприимного хозяина, после чего ударял коня плетью по передним ногам или груди и делал приветственный знак правой рукой. Хозяин и его родственники провожали гостя до границ своего села²⁹.

В 1937 г. вышла очередная статья Е.Г. Пчелиной – “Родильные обычаи у осетин”, которая по охвату изучаемых вопросов и глубине их освещения, может служить образцом для разработки подобной темы³⁰. В соответствии со своей обычной манерой автор снабдила ее большим количеством разнообразных содержательных примечаний, касающихся и ряда других вопросов общественного и семейного быта осетин. Статья основана на материалах не только южных осетин, но и северных. В ней – результаты личных многолетних наблюдений автора, а также критическая проверка всего литературного материала по данному вопросу. Е.Г. Пчелина надеялась, что указанная статья составит часть подготовлявшейся ею к печати монографии по этнографии осетин (которая, как уже упоминалось, к сожалению, не увидела свет). Автор указывала, что приводимые данные относятся к прошлому и что “при советском строе вся жизнь осетин резко изменилась к лучшему, и некультурные обычаи исчезают”³¹. К описанию родильных обычаев Е.Г. Пчелина привлекла множество фольклорных и литературных источников. Такое углубленное исследование не имеет себе равных примеров в обширной этнографической литературе на осетинские сюжеты.

Во время своих ежегодных поездок по Осетии Е.Г. Пчелина неоднократно присутствовала на семейных и общественных торжествах, наблюдала все семейные обряды – свадебные, родильные, похоронные.

Иметь много сыновей было мечтой всех горских семей. Чтобы осуществить ее, осетины через три дня после свадьбы вели молодую в свадебном наряде, но без фаты, в сопровождении шафера, женщин и детей к святилищу *Майрам* (Богоматери), которое имелось почти в каждом селении. Традиция восходит к христианству аланской эпохи. У святилища процессия останавливалась. Шафер брал в руки принесенные три пирога, рог араки или чашу пива и, обращаясь с молитвой к святой Майрам, просил подарить молодой невестке девять мальчиков и одну голубоглазую девочку.

После моления в честь Майрам все члены семьи и родственники с нетерпением ожидали, когда у молодой невестки появятся признаки беременности.

Е.Г. Пчелиной подробно проанализирован также обычай гадания стариков по лопатке барана или козла о том, будет ли новорожденный мальчиком или девочкой.

По описанию Е.Г. Пчелиной, беременная женщина находилась у осетин на особом положении: ее охраняли от волнений и испуга, освобождали от тяжелого труда – запрещали ходить за дровами, водой, носить зерно на мельницу и т.д., кормили лучшей едой, при встречах приветствовали с пожеланием родить мальчика. В то же время обычаи предписывали беременной – а первородящей в особенности – “стыдиться” своего положения, не показываться из своей комнаты, прятаться от старших мужчин и женщин селения и членов своей фамилии.

Если после свадьбы беременность у молодой не наступала, она обращалась к знахарям, игравшим громадную роль в жизни осетин: автор приводит множество литературных и фольклорных данных, указывающих на то, что у них широко практиковалось и сохранялось до недавнего времени гадание на палочках, перешедшее к осетинам от скифов через алан (гадание на палочках у скифов описано Геродотом). Е.Г. Пчелина сообщает, что в 1934 г., когда она работала в селах Цейского ущелья Северной Осетии, такие палочки подарил ей известный знахарь – 108-летний Хазби Басиев³².

В случае бесплодия жены, муж, обычно с ее разрешения, брал вторую жену. Таким образом, по справедливому замечанию автора, у осетин, не только среди мусульман, но и среди христиан с глубокой древности существовало двоеженство, которое нельзя объяснить влиянием мусульманства (оно проникло к осетинам не в конце XVIII в., как считает Е.Г. Пчелина, а в начале XVII в. из соседней Кабарды).

В старину в горах Осетии почти повсеместно роды происходили в хлеву. Е.Г. Пчелина застала еще бытование этого обычая в “глухих” ущельях Южной Осетии и подробно описала его: “Повсеместно в Осетии считалось, что ребенок, родившийся в хлеву, выносливее и долговечнее, и что, если у женщины умирают дети, то рожать ей надо идти в хлев. Поэтому даже в наиболее передовых семьях бывали роды в хлеву со строгим исполнением всех обрядов и суеверий”³³. Возможно, что такое утверждение автора преувеличено, ибо “повсеместно” вряд ли так считали. В действительности, в антисанитарных условиях, без всякой медицинской помощи роды в до-революционной горной Осетии уносили жизни немало числа рожениц и новорожденных. Еще в первой половине XIX в. на равнине Северной Осетии и в ряде горных ее районов роды принимали в комнате роженицы. Обычай принимать роды в хлеву, видимо, возник у осетин в горах Центрального Кавказа, после их отгеснения с равнины татаро-монголами и, вызванный тяжелыми условиями жизни, просуществовал много веков. Великий осетинский поэт Коста Хетагуров писал: «Несмотря на то, что отец и мать мои принадлежали к “сильным” и “большим” фамилиям в Нарской котловине, а отец, помимо того, был офицером русской службы, я все-таки родился в “яслях” в хлеву. И навряд ли во всей Нарской котловине найдется кто-либо, кто до меня, да и много позднее меня, родился не в хлеву. Объясняется это тем, что в Нарской котловине времен “особа” совершенно не было другого более удобного изолированного помещения для этого величайшего акта природы»³⁴.

Итак, по наблюдениям Е.Г. Пчелиной, в “глухих ущельях Осетии” роды происходили в хлеву в углу за входной дверью, на полу, застеленном сеном и покрытым сверху войлоком, а в “культурных районах” – в комнате роженицы, на ее кровати. Роды принимала повитуха, получая за это небольшие подарки. Во всех случаях к роженице имели право входить только женщины – молодые и средних лет, а девушки и старухи не должны были входить. Не могли также войти в комнату ни ее мать, ни свекровь, даже если роженица находилась при смерти.

Муж рожавшей, узнав о начале родов, должен был уйти из дома на девять дней. Недалеко от помещения, где происходили роды, ждали их исхода мальчики, чтобы, если родится мальчик, оповестить об этом старших сельчан и отца ребенка, получив

в награду *харзаггурагкаг* – подарок в честь рождения хорошего человека (давали подарок, смотря по достатку – барана, быка и даже лошадь³⁵).

Появление на свет мальчика горцы встречали с огромной радостью, так как видели в нем продолжение рода, наследника, будущего хозяина и опору в старости. Рождение девочки, наоборот, вызывало у родных большую печаль. Е.Г. Пчелина сообщает: “...отец родившейся девочки, не заходя к себе домой, уходил из селения и не возвращался месяца два. Вернувшись же, он еще долго на людях не разговаривал с женой, показывая тем свое недовольство”³⁶. Конечно, сказанное выше – локальное явление и в основном касается населения “глухих” ущелий горной Осетии. После рождения мальчика положение молодой женщины в семье резко менялось: она переходила в разряд старших невесток, становилась равной им.

Е.Г. Пчелина рассказывает об уходе за новорожденным ребенком и о тех многочисленных магических действиях, которые совершались над ним. Купая новорожденного, в таз клали ножницы, считая его предохранительным средством против чертей; иногда ребенка продевали через отверстие чесалки для шерсти, чтобы “обезопасить” его от козней чертей (острые железные предметы служили оберегом ребенка у многих горцев Кавказа).

После родов молодая мать оставалась в постели не более 3–4 дней. Затем по случаю рождения мальчика устраивали несколько следовавших один за другим праздников. В период пребывания Е.Г. Пчелиной в Осетии перестали отмечать *лоптуый куывд* (пиршество в честь рождения мальчика), что, видимо, случилось в бедных семьях. Чисто женским праздником считался *авданбæттæн* (укладывание в колыбель). Родственники несли подарки, в числе их, если праздник устраивали по случаю рождения мальчика, обязательно были три пирога, а в честь девочки – один. Колыбель (*авдан*) со всеми принадлежностями дарили роженице ее родители (автор подробно описывает осетинскую колыбель). Е.Г. Пчелина указывает и на другой обычай, менее распространенный: “колыбель эту приносили из дома многорожавшей и хорошо вырастившей своих детей женщины”³⁷.

Праздник первого пеленания сопровождался большим числом религиозных и магических действий. Ребенка клали в люльку самая многодетная женщина, под голову ему подкладывали ножницы (защита от чертей). Е.Г. Пчелина указывает: “колыбельные песни никогда не пела мать ребенка. Их поют над люлькой ребенка все те, кто ухаживает за младенцем”³⁸. Нам кажется, что этот вопрос требует дальнейшего изучения, ведь трудно поверить в его повсеместное распространение.

Особое внимание в названной статье уделено описанию обычая наречения имени (*номыæвард*), сопровождавшегося праздником, устраивавшимся через неделю после рождения мальчика, в котором участвовали и мужчины, и женщины. Кроме материалов своих многолетних наблюдений автор привлекает большое число литературных источников. Русское духовенство старалось заменить обычай наречения имени крещением. В результате мальчику давали два имени – осетинское и христианское. На празднике наречения имени обряд совершался на мужской половине к концу угощения. Первое имя ребенку давал старший из гостей. Имя (*ном*) могли давать и женщины. В прошлом нередко встречался такой обычай: в случае, если у роженицы часто умирали грудные дети, то имена давали не обычные, а иные: Шаукуыдз (“Черная собака”), Къабыс (“Щенок”), Домбай (“Лев”), Уари (“Коршун”) и т.д. Е.Г. Пчелина, ссылаясь на источники, отмечает, что “обычай называть детей подобными именами удивлял русских в середине XIX в.”³⁹ Сама же она полагает: “Это делалось для того, чтобы смерть – *малæт*, придя в дом за ребенком, не смогла бы догадаться об его имени”. Такое объяснение противоречит мнениям многих авторов, считавших, что вышеотмеченные имена давали с целью оберега от злых духов.

У осетин существовал ежегодный праздник – *кæхсгæнæн* (“делание чаши”) в честь всех мальчиков данной семьи, сопровождавшийся жертвоприношениями и состязаниями. Он блестяще описан Е.Г. Пчелиной: выявлены архаические пласты обычая, охарактеризованы связанные с ним действия и приемы.

В осетинском пантеоне видное место занимает *Аларды*, божество детских болезней, в частности оспы, к которому, в случае заболевания ребенка, обращались с молитвой и жертвоприношением, а также пели песни, посвященные ему. Приведенные Е.Г. Пчелиной сведения об Аларды, большей частью касающиеся Южной Осетии, представляют большой интерес. В 1924 г. во время совместной экспедиции с Г.Ф. Чурсиным и юго-осетинским врачом, любителем фольклора Лади Газзати Е.Г. Пчелина записала замечательный текст песни об Аларды (в примечаниях дается перевод на русский язык, выполненный Лади Газзати). Вот несколько строк из этой песни:

О, Золотой, Красный Аларды,
Вот, когда с неба спускается
Золотой, Красный Аларды,
навстречу ему выходит Майрам.
.....
Ты спускаешься на землю, Красный Аларды,
Наши дети да будут невосприимчивы
И покровительствуемы тобою
О, золотой, Красный Аларды⁴⁰.

Когда мальчику исполнялся год, устраивали праздник *афадзы кувьд* (годовое моление), которое родители отмечали большим торжеством. Здесь же определяли будущую профессию ребенка. По наблюдениям Е.Г. Пчелиной, этот обычай у южных осетин отличается некоторыми особенностями: перед окончанием пиршества к мужчинам вносили ребенка, перед которым на столе раскладывали различные предметы – огнестрельное и холодное оружие, ножницы для стрижки овец, орудия всевозможных ремесел и книгу. Предмет, до которого раньше всего дотрагивался ребенок, якобы, указывал на его занятия и склонность в будущем⁴⁰. Для девочек такого праздника не устраивали, об их судьбе не гадали. С малых лет большое внимание обращали на трудовое и нравственное воспитание детей, в том числе и девочек. В указанной статье автор касается и некоторых других сюжетов. Работа Е.Г. Пчелиной о родильных обычаях осетин, как и другие ее этнографические исследования, вошла в золотой фонд осетиноведения.

В 1934 г. вышла очередная статья Е.Г. Пчелиной – “Крепость Зильде Машиг”, сопровождавшаяся большим количеством примечаний, содержащих ценные этнографические, археологические и исторические сведения, относящиеся к разным эпохам⁴¹. Крепость эта находится в верхнем течении Большой Лиахви в районе Урстуалта (Южная Осетия) и представляет собою огромный, естественный скалистый пик, называемый *Уйгуте Машиг* (“Башня великанов”). Пик этот, находясь в середине восьмикилометрового плато, по словам автора, виден со многих точек Урстуалта. Расположенный в труднодоступной местности, памятник этот привлекал к себе многих ученых. Е.Г. Пчелина, посетив его два раза (в 1930, 1931 годах), на основании собранного ею материалов и данных грузинской хроники, сделала ряд важных заключений: 1) крепость охраняла проходившие здесь с древнейших времен торговые пути, следы которых, по словам автора, сохранились до наших дней. Нынешнее главное село Эдис Урстуалты в грузинских источниках именовалось городом (груз. Калаки); 2) вышедший сюда из Алагирского ущелья Северной Осетии род Сидамоновых сначала обосновался в крепости Зильде Машиг, а затем переселился в Ксанское ущелье, где его предводитель стал Ксанским эриставом (правителем). Известно, что родоначальник этого рода Сидамон – один из пяти сыновей Ос-Багатара (историческая личность XIII в.).

Особого внимания в рассматриваемой работе заслуживают примечания автора, в которых впервые дается описание всех выючных троп, пересекавших 18 перевалов горной Осетии, каждый из которых мужественно переходила Е.Г. Пчелина, нередко рискуя жизнью. Об этом она вспоминает с гордостью: “Большинство из этих перевальных троп я прошла пешком с лошастью в поводу в период 1924–1931 гг. и лично

удостоверилась в их относительно легкой проходимости, за исключением тропы Трусовское – Челиатское ущелье”⁴².

В результате этих поездок Евгения Георгиевна составила “Археологическую карту Осетии”, где перечислила пункты археологических находок, даты их открытий. Эта работа, содержащая огромный материал, которым могут пользоваться многие поколения археологов, как и работа “Древние военно-торговые пути на кавказском перешейке”, по словам автора, осталась неопубликованной⁴³. Е.Г. Пчелина обнаружила и отчасти исследовала множество памятников аланской эпохи в основном в горах и предгорьях Северной Осетии, в частности, в селах, расположенных вдоль Военно-Грузинской дороги, в ущельях Тагаурского общества, в различных селах Куртатинского, Алагирского и Дигорского ущелий. В одних местах аланские памятники датируются I–IV вв., в других – VII–IX вв. Е.Г. Пчелина уделила большое внимание изучению памятников позднего средневековья – склепов, крепостей, башен и т.д., которыми изобилует вся горная Осетия. Она исследовала и памятники, связанные с историческими личностями, сюжетами Нартовского эпоса, языческой и христианской религий (святилища Реком в Цейском ущелье, Хуыцауы дзуар и Дзвгисы уастырджи в Куртатинском ущелье, Нузальская христианская церковь XIII в.).

В июле 1927 г. Е.Г. Пчелина совместно с проф. Б.А. Алборовым, побывав в Куртатинском ущелье Северной Осетии, дала превосходный анализ *Шах-над* (“Тропа шаха”) – памятника широко известного по описаниям дореволюционных авторов, а также в северо-осетинском фольклоре. И фольклорные источники связывают Шах-над с известным персидским завоевателем народов Закавказья в начале XVII в. – шахом Аббасом, который, якобы, проехал по горным склонам Куртатинского ущелья на коляске; следы ее, по утверждению Е.Г. Пчелиной, сохранились на тропе. “Шах-над, – писала она, – представляет непрерывную линию в срезанном земляном грунте, кое-где же она пробита в скале. Ширина ее в среднем немногим шире колеи горной арбы. Мы проследили дорогу от сел. Хидикус, заканчивающего Куртатинское ущелье при переходе его в ущелье Хилак, до сел. Джимара Тагаурского ущелья. Жители окрестных осетинских селений прекрасно знают эту дорогу, но пользуются ею редко из-за малого количества месяцев, когда она проходима...”⁴⁴.

Однако, как пытался показать автор данной статьи, основываясь на архивных источниках, Шах-Аббас не был на Северном Кавказе. Описываемые в устных преданиях события, по нашему мнению, отражают более ранний период – поход Тимура по горной Осетии⁴⁵.

Наконец, напомним еще одно открытие Е.Г. Пчелиной: в 1928 г. она изучала средневековую крепость в сел. Нижний Зарамаг на Военно-Осетинской дороге, где в XVIII в. укрылись бежавшие грузинские царевики Георгий и Илкан Макашвили. Здесь вблизи святилища Хец-дзуар были найдены их могилы⁴⁶.

Даже беглый обзор некоторых статей Е.Г. Пчелиной дает представление о ней, как о мужественной женщине и талантливом ученом, преданном до мозга костей своему делу. Она целиком посвятила себя изучению осетинского народа. Автор этих строк настоятельно призывает творческую интеллигенцию Осетии, особенно руководство Северо-Осетинского научного Центра РАН, в знак памяти ученого, заслужившего глубокую благодарность потомков, опубликовать ее научное наследие – архив, а также переиздать опубликованные работы.

Примечания

¹ Рад, что выполнил просьбу сына Е.Г. Пчелиной – Георгия Пчелина, инженера по специальности, благодарю его за присланный материал о матери. Данные о Е.Г. Пчелиной хранятся в архиве автора статьи.

² Пчелина Е.Г. Армянские памятники в Азербайджанской ССР // Тр. отд. Востока Гос. Эрмитажа. Т. III. Л., 1940.

³ Центральный Гос. архив (далее – ЦГА РСФСР). Ф. 4655. Оп. 1. Д. 192. Л. 66 (1926 г.). Архивные данные автор получил от Ю.Д. Анчабадзе, за что сердечно его благодарит.

- ⁴ Пчелина Е.Г. Археологическая разведка в районе Триалетского хребта // Вестник музея Грузии. Т. V. Тифлис, 1929.
- ⁵ Пчелина Е.Г. Краткий историко-археологический очерк страны Ирон-Хусар (Юго-Осетии) // Тр. Закавказской научной ассоциации. Сер. I. Юго-Осетия. Вып. 1. Тифлис, 1925; *Она же*. Дом и усадьба нагорной полосы Юго-Осетии // Уч. зап. Ин-та этнических и национальных культур народов Востока Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М., 1930. Т. II; *Она же*. Путевые заметки по Курдистанскому району Азербайджана // Сов. этнография (далее – СЭ). 1932. № 4; *Она же*. Раскопки Сагурамского могильника // Вестник музея Грузии. Т. III. Тифлис, 1927.
- ⁶ Пчелина Е.Г. Археологическая карта Южной Осетии // Фидиуаг. 1927. № 9 / 10 (на осетинск. яз.).
- ⁷ Пчелина Е.Г. Древне-буддийский монастырь в Кара-Тепе в Термезе (автореф. дис. ... канд. ист. наук) // Докл. и сообщ. исторического фак-та Моск. Ун-та. IV. М., 1946.
- ⁸ Пчелина Е.Г. Раскопки в сел. Нули в Юго-Осетии // Тр. Юго-Осетинского НИИ краеведения. II. Цхинвали, 1933; *Она же*. Крепость Зильде Машиг в Юго-Осетии // СЭ. 1934. № 3.
- ⁹ Пчелина Е.Г. Нузальская часовня – Погребальный склеп Давида Сослана // Растзинад. 1946. № 115 (на осет. яз.); *Она же*. Давид Сослан и Тамара // Там же. 1946. № 169; *Она же*. Почему я считаю Нузальскую церковь гробницей Давида Сослана? // Там же. 1946. № 196.
- ¹⁰ Греко-славянские эпиграфические памятники на Северном Кавказе // Археологический ежегодник за 1959 г. М., 1960.
- ¹¹ Пчелина Е.Г. Погребальные комплексы из Сохты, Урсдзуар и Рук // Изв. Юго-Осетинского НИИ. Т. XV. Цхинвали, 1968; *Она же*. Итоги первого года работы по составлению археологической карты Юго-Осетии // Тез. докл. на V науч. сессии Юго-Осетинского НИИ АН ГрССР. Сталинир, 1949.
- ¹² Пчелина Е.Г. Два погребения из сел. Лац в Северной Осетии (по раскопкам 1927 г.) // Гос. секция археологии РАНИОН. Т. IV. 1929; *Она же*. Урсдонское ущелье в Северной Осетии (по поводу находки сасанидского кубка) // Тр. отд. Востока Гос. эрмитажа. Т. IV. Л., 1947.
- ¹³ См. напр., Пчелина Е.Г. Осетинская мельница // Изв. Северо-Осетинского НИИ. Т. XXV. Орджоникидзе, 1966.
- ¹⁴ Смета на экспедиционную работу в Северной Осетии Е.Г. Пчелиной летом 1930 г.:
- один ж.д. билет в жестком от Москвы до Владикавказа;
  - обратно – 26 руб.;
  - билет на автобус 1 чел. от Владикавказа до Алагира – 4 р. 50 к.;
  - обратно;
  - одно место на линейке от Алагира до Мизура – 5 р.;
  - обратно;
  - верховая и вьючная лошади от Алагира до Архона – 10 р.;
  - обратно: верховая лошадь – 5 р.
  - верховая лошадь от Мизура до Садона – 5 р.;
  - обратно;
  - доставка вьюками и на арбе коллекции от Архона и Садона в Мизур и от Мизура до Алагира – 54 р. (ЦГА РСФСР. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 112).
- ¹⁵ Чурсин Г.Ф. Осетины. Этнографический очерк // Тр. Закавказской научной ассоциации. Сер. I. Юго-Осетия. Вып. 1. Тифлис, 1925.
- ¹⁶ Пчелина Е.Г. Дом и усадьба...; *Она же*. Краткий историко-археологический очерк... С. 233–251.
- ¹⁷ Пчелина Е.Г. Дом и усадьба... С. 7.
- ¹⁸ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. С. 48–62.
- ¹⁹ Пчелина Е.Г. Дом и усадьба... С. 7.
- ²⁰ Там же. С. 9.
- ²¹ Миллер В.Ф. О горских обществах Кабарды // Вестн. Европы. Т. IV. 1884; Калоев Б.А. В.Ф. Миллер – кавказовед. Орджоникидзе, 1963.
- ²² Пчелина Е.Г. Обряд гостеприимства в Осетии // СЭ. 1932. № 5/6. С. 140–162.
- ²³ Там же. С. 140.
- ²⁴ Там же. С. 145.
- ²⁵ Там же. С. 162. Примеч. 50.
- ²⁶ Калоев Б.А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. М., 1971. С. 260.
- ²⁷ Пчелина Е.Г. Обряд гостеприимства... С. 150.
- ²⁸ Там же. С. 153.
- ²⁹ Там же. С. 154.
- ³⁰ Пчелина Е.Г. Родильные обычаи у осетин // СЭ. 1937. № 4. С. 85–103.
- ³¹ Там же. С. 85.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С. 91. Примеч. 3.
- ³⁴ Коста Хетагуров. Соб. соч. в пяти томах. Т. IV. М., 1960. С. 338.
- ³⁵ Пчелина Е.Г. Родильные обычаи... С. 91.
- ³⁶ Там же. С. 92.
- ³⁷ Там же. С. 94. Примеч. 6.
- ³⁸ Там же. С. 93.
- ³⁹ Там же. С. 98. Примеч. 3.

⁴⁰ Пчелина Е.Г. Родильные обычаи... С. 102.

⁴¹ Пчелина Е.Г. Крепость Зильде Машиг // СЭ. 1934. № 3. С. 87–101.

⁴² Там же. С. 97. Примеч. 24.

⁴³ Там же. С. 97. Примеч. 25.

⁴⁴ Там же. С. 99. Примеч. 26.

⁴⁵ Калоев Б.А. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999. С. 286–294.

⁴⁶ Пчелина Е.Г. Крепость Зильде Машиг. С. 99. Примеч. 26.

В.А. К а л о е в. Е.Г. Pchelina, a Scholar of the Caucasus

The essay discusses the life and work of Evgenia Georgievna Pchelina (1895–1977), a scholar who made a significant contribution to the study of the Caucasus. The essay reveals many interesting facts of Pchelina's biography: her work in Moscow's State Historical Museum, Leningrad's famous Hermitage, as well as in Sverdlovsk, Baku, and other places. Pchelina was a prolific writer but left much of her work, including the summarizing book of her studies of the Caucasus, unfinished and unpublished. The author suggests that most valuable of her works should be finally edited and published.